

стаффажа. Среди известных сейчас произведений северной живописи икона из Кемь является в этом отношении одной из наиболее показательных.

Эти черты иконы Александра Ошевенского находятся в соответствии с особенностями ее художественного образа. Клейма ее с изображениями скромных монастырских построек на берегу северной реки, с простыми и уравновешенными композициями, немногочисленными, но метко и живо переданными сценами, сдержанными жестами фигур, неярым колоритом обладают особой поэтичностью и непосредственностью. Здесь ощущается словно переключка между наивно-реалистическими моментами в Житии и аналогичными особенностями в иконе. Связи между литературной основой и изображением не ограничиваются простой иллюстрацией сюжета. Они более глубоки и касаются самого существа художественного образа обоих произведений.

Агиографические сюжеты сыграли особую роль в истории живописи русского Севера, особенно в искусстве Заонежья — края, с которым была связана Кемь и беломорское побережье. Житийные иконы, до XVII в. изготовлявшиеся здесь довольно редко, в этом столетии получают очень широкое распространение. Местное искусство, развивавшееся особыми путями, почти не восприняло общерусских стилистических новшеств XVII в. Дух новой эпохи сказался в нем иначе, чем в искусстве иных областей. Северные художники, сохраняя прежнюю строгость и лаконичность изображений, стремятся в это время к более свободной трактовке сцен, к передаче жанровых моментов, эпизодов местного северного быта, деталей архитектуры и пейзажа, многочисленных «реалий». Именно житийные сюжеты открывали для этого самые широкие возможности. Житие Александра Ошевенского с его живым рассказом о северном крае как нельзя более соответствовало художественным устремлениям местных мастеров XVII в.
